

12. Diener E., Tay L., Oishi S. Rising income and the subjective well-being of nations // Journal of Personality and Social Psychology. 2013. Vol. 104, iss. 2. P. 267—276.
13. Glatzer W. Happiness: classic theory in the light of current research // Journal of Happiness Studies. 2000. Vol. 1, iss. 4. P. 501—511.
14. Inglehart R. Modernization and Postmodernization : Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1997. 455 p.
15. Kim S. Sociological Studies on Happiness in Cross-National Contexts : Effects of Economic Inequality and Marriage : PhD (Doctor of Philosophy) Thesis. University of Iowa, 2011. 163 p.
16. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. Cosimo Classics, 1899. 400 p.
17. Veenhoven R. Is happiness relative? // Social Indicators Research. 1991. Vol. 24, № 1. P. 1—34.
18. Veenhoven R. Questions on happiness: classical topics, modern answers, blind spots // Subjective Well-Being : an Interdisciplinary Perspective. Oxford (England) : Pergamon Press, 1991. P. 7—26.
19. Veenhoven R. Sociological theories of subjective well-being // The Science of Subjective Well-Being : a Tribute to Ed Diener / ed. by M. Eid, R. Larsen. New York : Guilford Publications, 2008. P. 44—61.
20. Zuckerman P. Society without God : What the Least Religious Nations Can Tell Us about Contentment. NYU Press, 2008. 227 p.

ББК 60.543.172

И. Н. Смирнова

3D-СОЗНАНИЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Анализируются данные двух волн социологических исследований сознания студенческой молодежи. Определяются траектории восприятия студентами Ивановской области прошлого, настоящего и будущего; сопоставляются три основные темпоральные ориентации сознания: историзм, реализм, футуризм. Делается вывод о комфортности, глобальности и субъективированности времени.

Ключевые слова: глобальное сознание, локальное сознание, прошлое, настоящее, будущее, студенческая молодежь, футуризм, историзм, реализм.

The article analyzes the data of two waves of sociological studies, discovering time characteristics of the student youth consciousness. The basic trends of Ivanovo students' perception of the past, present and future are determined. Three main temporal orientations of consciousness — historism, realism, futurism — are compared. The conclusion about the comfort, globality and subjectivity of time is made.

Key words: global consciousness, local consciousness, past, present, future, student youth, futurism, historism, realism.

К размышлению над проблемой измерений сознания нас подтолкнула статья П. П. Солощенко, который определяет время как форму сознания [5]. Думается, что здесь имеет место философическая метафора, тем не менее

© Смирнова И. Н., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

2017. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

очерчивающая до известной степени новое предметное поле для исследований, в том числе и социологических.

П. П. Солощенко справедливо полагает, что на отношение нашего сознания к времени, с одной стороны, «влияет нарастающее в процессе взросления человека ощущение быстротечности, мимолетности нашей жизни, печальным итогом которой является смерть» [5, с. 24]. С другой стороны, «этим непосредственным эмоциональным ощущениям и переживаниям времени человек противопоставляет рациональное отношение к времени как к постоянной физической величине, к равномерно проявляющейся длительности объективных процессов» [5, с. 25]. Данную мысль автора можно выразить и несколько иначе в рамках социологического дискурса. Здесь, как нам представляется, сталкиваются противопоставленные ориентации сознания — аффективная и когнитивная, которые, как верно отмечает П. П. Солощенко, трудно разводимы в рамках научного анализа.

Согласимся с автором в его проективном намерении сделать следующий шаг — «утвердить в качестве мировоззренческого и методологического начала... богатство душевно-духовной жизни человека в его сознательном и ответственном отношении к времени» [5, с. 30]. Важная роль в этой методологической, в первую очередь, революции принадлежит социологии как науке, позволяющей данное отношение зафиксировать.

Э. Гидденс — выдающийся британский социолог, внесший наиболее существенный вклад в анализ динамики пространственно-временных отношений, считает, что именно расширение социальных практик во времени и пространстве, преодоление территориальной ограниченности, является фундаментальной характеристикой современного мира [6, р. 18]. Трансформация в измерении времени, или, как называет это Э. Гидденс, «опустошение времени», т. е. абстрактность его измерения, привела и к «опустошению пространства». Для современного общества характерны пространственно-временная дистанцированность, ограниченность, растянутость отношений, и их преодоление — важная его задача.

Методика и методология исследования

Оценка пространственно-временных характеристик сознания студенческой молодежи осуществлялась в рамках более масштабного исследования различных качеств сознания [2, 3, 4]. *Первая волна* исследования была реализована в ноябре — декабре 2015 г. ($n_1 = 210$ чел., ошибка выборки — 5 %). Эту волну мы условно обозначили как *тревожную*: война с участием российских войск в Сирии, катастрофа российского авиалайнера в небе над Египтом, теракты в Париже, усложнение отношений с Украиной и другие события — все это оказало значительное влияние на представления студенческой молодежи о настоящем и будущем, сформировало кризисный фон сознания. *Вторая волна* исследования была осуществлена в мае — июне 2016 г. по идентичному инструментарию и с сохранением структуры выборки ($n_2 = 225$ чел., ошибка выборки — 5 %). Фон второй волны, получившей условное наименование *спокойной*, более ровный, существенных катастрофических событий отмечено не было. В исследовании приняли участие студенты различных направлений подготовки, курсов, форм и уровней обучения.

Место проведения исследования — Ивановский регион — во многом уникально: двойная депрессивность сознания молодежи (кризисные тенденции в стране, депрессивные процессы в регионе), которая составляет от 20 до 30 % населения области, позволяет проследить формирование и динамику основных проявлений временных характеристик в сознании в спокойное и тревожное время.

«Оправдание» времени

Исследование показало, что время, в котором живут респонденты, является вполне комфортным для них: оно устраивает 55 % опрошенных в период тревожной волны и 69 % респондентов спокойной волны (рис. 1). Однако при сравнении данных двух волн исследования можно наблюдать смещение ответов студентов в сторону «оправдания» времени при спокойном социально-политическом и экономическом событийном фоне.

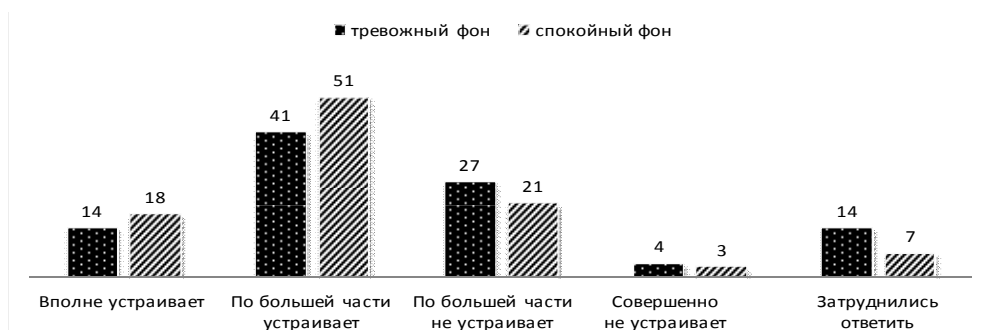

Рис. 1. «Одобрение» времени, в котором живет студенческая молодежь, % ($n_1 = 210$, $n_2 = 225$)

Оценивая время и свое место в нем, более половины студентов и в спокойный, и в тревожный периоды отметили, что это их время; меньшая часть указала на то, что их время еще не пришло, оно впереди. В основе такого восприятия лежат страхи и надежды молодежи: в тревожный период социальные страхи обостряются и, как следствие, увеличивается доля тех, кто считают, что их время еще не пришло (рис. 2).

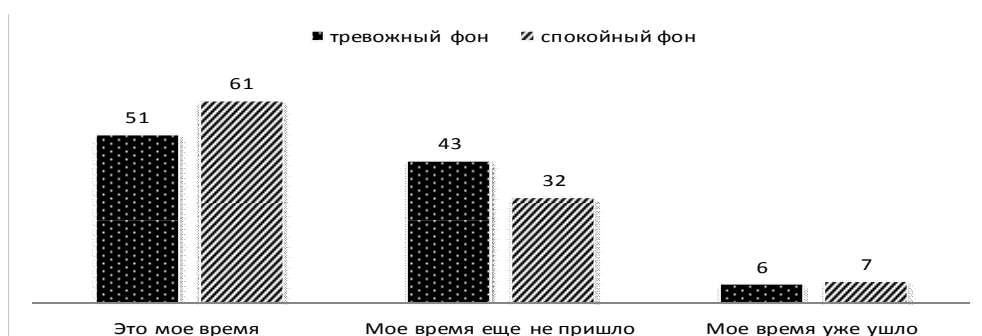

Рис. 2. Оценка студентами времени и своего места в нем, % ($n_1 = 210$, $n_2 = 225$)

В философском плане интересен вывод о том, что время не носит в оценках респондентов «самостоятельного» характера. Оно зависит от носителя. Собственно, время оправдывается самим существованием в нем субъекта.

Историзм/реализм/футуризм

Чтобы понять, чем именно наполнено время, необходим более детальный анализ ответов на вопросы о том, что такое для студентов прошлое, настоящее и будущее (рис. 3).

Прошлое — это...	Настоящее — это...	Будущее — это...
Жизненный опыт, уроки — 19,5 %	То, что происходит здесь и сейчас, — 33 %	Что-то далекое, неизвестное, но при этом пугающее и плохое — 19,5 %
Прошедшая история, память — 18 %	Учеба в университете — 13 %	То, что будет дальше, судьба — 18 %
Беззаботное и счастливое детство — 16,5 %	Возможности, открытия, счастье, любовь — 9,5 %	Счастливая крепкая семья — 16,5 %
То, что нельзя вернуть, — 9 %	Стресс, кризис, опасное время, борьба — 8 %	Что-то далекое, неизвестное, но при этом светлое и хорошее — 13 %
Конкретные исторические факты — 8,5 %	Неизвестность, неопределенность, нестабильность — 7 %	Безграничные возможности, цели, планы — 10 %
Воспоминания — 6,5 %	Реальность, действительность — 5 %	Успешная интересная работа — 6,5 %
Отсутствие проблем — 4,5 %	Вклад в будущее, развитие — 3,5 %	Безопасность, мир, стабильность — 6 %
Конкретный город, школа — 4,5 %	Конкретное место, город — 3 %	Не думают о будущем, не планируют его — 5 %
Наличие проблем — 3,5 %	Другое — 6 %	Конкретное место, город — 2,5 %
Другое — 3 %		Другое — 4 %

Рис. 3. Представления студенческой молодежи о прошлом, настоящем и будущем, % (вопрос открытый, множественный)

Анализируя ответы студентов на вопрос о том, что такое *прошлое*, мы констатировали его наполненность по преимуществу положительными коннотациями: студенты отмечают беззаботное и счастливое детство, личные истории и положительные воспоминания, отсутствие проблем и жизненный

опыт. Показательно, что выйти за пределы личных историй смогли только 7 % опрошенных; в основном это студенты исторического факультета, которые свое прошлое воспринимают в глобальном контексте — через историю страны и мира. Они назвали конкретные исторические факты, события и исторических лидеров. «Локализованными» оказались лишь 4,5 % респондентов: они связали свое прошлое с конкретным местом (городом, школой).

Что касается *настоящего*, то его определение было наиболее затруднительным для студентов. Треть опрошенных ограничились общим ответом: настоящее — это то, что происходит сейчас. «Локальное» восприятие настоящего характерно для 16 % опрошенных: они называют конкретные места, события, учебу в университете. «Глобальное» восприятие настоящего, а именно его понимание как времени возможностей, открытий, вклада в будущее, развития, свойственно 13 % респондентов. Также велик процент тех, кто отмечает катастрофичность настоящего: 15 % студентов указывают на его кризисный характер, наличие стрессов, борьбы, нестабильность и неопределенность. В основном это студенты гуманитарных направлений подготовки и учащиеся старших курсов, магистратуры и аспирантуры.

Будущее оценивается студентами наиболее разнопланово. Доминирующий ответ отражает тревожность сознания современного студенчества: будущее для 19,5 % опрошенных — это что-то далекое, плохое, неизвестно-пугающее. Будущее как судьбу воспринимают 18 % студентов. Более «локально» оно видится 30 % опрошенных: это крепкая и счастливая семья, интересная работа, свое место в жизни, конкретный город / место проживания. «Глобальные» характеристики будущего дали 16 % студентов: они отметили безопасную жизнь, мир, высокое качество жизни и безграничные возможности. Показательно, что не планируют будущее и не могут его никак интерпретировать, определить 5 % студентов.

Таким образом, при оценке прошлого, настоящего и будущего выстраивается система координат от глобального к локальному: прошлое более «глобально», будущее — более «локально». При этом возрастает значение пространства, что отражается в таких характеристиках будущего, как жизнь в городе, где высокое качество жизни, благоприятная экологическая ситуация и т. д.

Ощущение прошлого у студентов «сужается», а ощущение будущего, наоборот, «расширяется»: рамки прошлого (если мы говорим о конкретном событии) ограничиваются, за редким исключением, собственной жизнью (или даже периодом детства), а рамки будущего ничем не ограничены, это нечто далекое, то, что будет когда-то. В условиях глобально-локальной картины мира система координат «далеко» — «близко» кардинально меняется. Создается ощущение, что настоящее накладывается на прошлое, но настоящее не есть мостик к будущему.

Вполне отчетливо вырисовываются три ориентации сознания — историзм/реализм/футуризм, как мы видим, не сводимые друг к другу. Формируется достаточно сложная система. С одной стороны, в сознании большинства респондентов преобладает футуристическая доминанта, что свидетельствует об ориентации на будущее. Вместе с тем это «глобальное» будущее предстает как наполненное пугающей и плохой неизвестностью. Прошлое, напротив, в ориентациях сознания отходит на третий план, но окрашивается исключительно позитивно. Настоящее, «работая вторым темпом», задает глубинную локализацию сознания.

Планирование туманного будущего

Приведенные выше размышления подкрепляются особенностями планирования будущего. Каждый пятый респондент проектирует будущее на год, и столько же опрошенных — на пять лет. Однако отметим следующую особенность: долгосрочное планирование на 10 и более лет свойственно 10 % опрошенных, не планируют будущее вообще 21 % студентов. При этом в тревожный период доля последних увеличивается почти до 30 % (рис. 4).

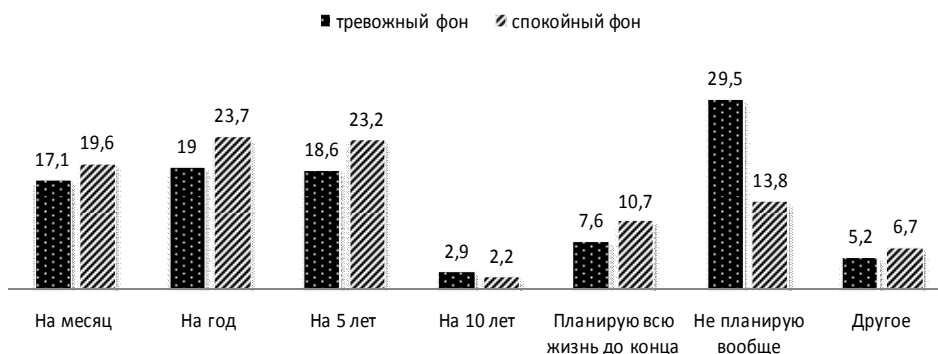

Рис. 4. Планирование будущего студенческой молодежью в тревожное и спокойное время, % ($n_1 = 210$, $n_2 = 225$)

Долгосрочное планирование оказывается зависимым не от футуристической ориентации сознания, напротив, оно задается, как нам кажется, историзмом. В тревожное время доминанта сознания естественным образом смещается в сторону «беззаботного и счастливого» прошлого, которое, в свою очередь, переключается с настоящим. Вообще, может оказаться, что, как отмечает философ Т. Х. Керимов, «сознание времени является... выключенным из разделения времени, вневременным» [1, с. 169].

Время — назад!

Исследование выявило особое времяощущение и времявосприятие студенческой молодежи. Во-первых, *время комфортно* — как прошлое и настоящее, так и проецируемое будущее. Это происходит даже на фоне того, что прошлое, настоящее и будущее равномерно катастрофичны. Возможно, глокальный катастрофизм получает в молодежном сознании статус естественных условий жизни. Во-вторых, *время в целом «глобально»*. Конечно, этот тезис требует дальнейших исследований. Вместе с тем уже сейчас можно сказать, что прошлое и будущее как полюса виртуальной шкалы воспринимаются глобально, настоящее же как своеобразный «маятник Фуко» предстает сугубо локально. В-третьих, *время субъективировано*. Оно воспринимается как бы через субъекта, который актуализирует временной континуум при помощи прошлого настоящего или настоящего будущего.

Проделанная работа ставит перед исследователями много новых вопросов, однако позволяет осуществить определенную социологическую рефлексия.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Библиографический список

1. Керимов Т. Х. Время и сознание времени: границы феноменологического анализа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 158—171.
2. Смирнов Г. С. Философия автотрофности человечества и глобальное сознание // Век глобализации. 2017. № 1 (21). С. 20—32.
3. Смирнов Д. Г. Глобальное сознание человечества в дискурсе ноосферных исследований // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 84—93.
4. Смирнова И. Н. Язык глобального и локального сознания: опыт социологической рефлексии // Ноосферные исследования. 2016. № 1—2. С. 151—172. URL: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Smirnova-I_2016_1-2.pdf (дата обращения: 02.04.2017).
5. Солощенко П. П. Время как форма сознания: опыт философского дискурса // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 24—30.
6. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge : Polity in Association with Blackwell, 1990. 156 p.